

В. П. ПОЛОНСКИЙ

Бакунин — якобинец*

С Бакуниным, как с деятелем прошлого, у нас, марксистов, споров нет. Борьба, которую вели марксисты с Бакуниным, сделалась достоянием истории, и задача наша заключается в том, чтобы историческое столкновение, главными участниками которого были Маркс и Бакунин, было нами изучено и восстановлено так, как оно было. А в этой области, следует заметить, объективная картина далеко еще не выяснена. К сожалению, мы не располагаем даже достаточным количеством документальных материалов, на основании которых можно было бы эту картину с полной точностью восстановить. Но и того, что мы имеем, совершенно достаточно, чтобы заключить, что общее представление о Бакунине так называемой «широкой публики», даже читателей, знакомых с историей I Интернационала, что это общее представление о Бакунине не в полной мере соответствует действительности. Прежде всего мы имеем дело с Бакуниным — теоретиком *анархизма*. И вот, если мы станем изучать его, как анархиста, как основоположника и главнейшего из теоретиков анархистского движения, то найдем в нем много такого, что пойдет вразрез с общим представлением о Бакунине, как об анархисте. Движение, которое возглавлялось Бакуниным в эпоху I Интернационала, с которым вел борьбу Маркс и марксисты, называлось «свободническим», «антиавторитарным». Сам Бакунин в своих трудах нападал на Маркса именно как на представителя направления авторитарного, властного, диктаторского. Отрицательное отношение Бакунина к власти,

* Доклад, прочитанный на объединенном заседании Комм. академии и Об-ва историков-марксистов.

к диктатуре, к централизму, к авторитаризму общеизвестно. Борьба с этими началами и составляла ведь самую суть бакунизма, в общепринятом смысле. И нет такой работы о Бакуине, все равно — написана ли она анархистом, или марксистом, которая не трактовала бы Бакуина как апологета свободы личности, апологета свободы, вообще как борца против *всякой* власти, *всякого* авторитета, *всякого* централизма. Макс Неттлау, напр., в своих работах последнего времени подчеркивает, что самое характерное в Бакуине — это именно его пристрастие к свободе, которую он ставил во главу угла всей своей революционной, теоретической и практической деятельности. И вот тут-то мы наталкиваемся в деятельности Бакуина на явления, противоречащие его общеизвестному, обычному, так сказать, облику.

Я не хочу вспоминать здесь тот его план революции в Богемии, о котором он писал в «Исповеди»: в плане этом была железная диктатура, с террором, с разрушением всяческих свобод и т. п. Это — дела далекой юности, буйного 1848 года. Я не стану приводить также его мечты о диктатуре, которым он предавался в Сибири с Муравьевым-Амурским и о которых сам он рассказал в одном из иркутских своих писем Герцену. Все это относится к доанархическому периоду деятельности Бакуина. Ведь только после 1864 г., т. е. уже в анархическую пору своей деятельности, Бакуин выступал как принципиальный противник *всякой* власти, *всякого* авторитета.

Но вот, в 1870 году, во время франко-прусской войны, Бакуин в письме Альберу Ришару¹ от 4 сентября, после первых известий о поражении Базена², так излагает свое мнение о том, что должно быть сделано во Франции:

«Призыв ко всем коммунам: пусть они организуются и вооружаются, вырвав оружие из рук тех, которые его теперь удерживают и скрывают. Пусть они пошлют своих делегатов в любое место за чертой Парижа *для образования временного правительства, действительного правительства спасения Франции*».

В устах яростного противника *всякого* правительства такой призыв звучит несколько странно, не так ли? И это не единственный случай, когда налицо перед нами такая странность. Годом раньше, в 1869 году, на конгрессе Интернационала в Базеле, прошло постановление о расширении *власти* Генерального Совета. В этом нет еще, конечно, ничего удивительного. Удивительно здесь то, что мотивировка предложения и самое предложение принадлежат *Бакуину*. Быть может, это была обмолвка? Быть может, здесь была совершена «ошибка», как пытался объяснить

это позднее сам Бакунин? Мы увидим ниже, что «ошибка» эта не была случайной и что «обмолвки» тут не было никакой. Но это предложение о расширении «власти» Ген. Совета в самом деле не вяжется, да и в то время не вязалось с обликом яростного противника «всякой» власти. Как в этом смысле расценивали Бакунина его противники, можно заключить хотя бы по письмам Энгельса. Энгельс был человеком достаточно внимательным для того, чтобы знать, с кем имеет дело. Упрекнуть друга и соратника Маркса в верхоглядстве, да еще по отношению к такому противнику, как Бакунин, — невозможно. А между тем у Энгельса о Бакунине было, как увидим, самое превратное представление. В одном из своих писем, недавно опубликованных, Энгельс писал про Бакунина вещи, которые сейчас нам, знающим Бакунина по документам, кажутся наивными. Энгельс писал о бакунинском идеале будущего общества очень иронически. «В этом обществе, — пишет Энгельс, — прежде всего не существует *власти*, так как власть = государству = абсолютному злу. Они, конечно, не говорят нам, как они будут вести фабрику, пользоваться железной дорогой, управлять кораблем без твердой воли в последней инстанции, без единого руководства. Не существует также власти большинства над меньшинством. Каждая личность, каждая община автономны, но как возможно общество, хотя бы только из двух человек, без того, чтобы каждый до некоторой степени не отказался от своей автономии, об этом Бакунин опять-таки умалчивает. Интернационал должен, таким образом, быть построен по такому образцу. Каждая секция автономна, а внутри каждой секции автономна также каждая личность. Долой базельские постановления, которые предоставляют Генеральному Совету опасную и деморализующую его власть. Даже если эта власть добровольно ему предоставлена, она должна быть уничтожена, именно потому, что она власть!» (Письмо Теодору Куно³ от 24 января 1872 г., см. «Печать и Революция» 1926, кн. 3.)

То, что здесь Энгельс пишет, и является тем общим представлением о Бакунине, как противнике власти, как апологете свободы личности, которое не соответствовало действительности. На этом несоответствии я и хочу остановить внимание сегодняшнего нашего собрания.

Дело в том, что представление о Бакунине может быть двоякого рода. Если вы будете изучать Бакунина по тем его работам, которые он предназначал для распространения в широких массах, для публичного, так сказать, употребления, вы получите одно представление о Бакунине. А если вы будете изучать Бакунина по до-

кументам, которые Бакунин предназначал для конспиративного распространения в узком круге осведомленных лиц, вы получите другое представление о Бакунине. Ибо у него были две мерки, две тактики: одна — явная, другая — тайная, истинно-революционная, конспиративная, которую он стремился сохранить в глубочайшем секрете, ибо Бакунин был великим конспиратором. В одном из писем он говорит, что не все следует предавать гласности. О многом, наиболее важном, о чем можно говорить в дружеских беседах и в интимной переписке, следует умалчивать, поскольку эти беседы и переписка могут выйти за пределы интимного круга (письмо к Л. Набруцци⁴ от 23/1 1873 г.). Конспиративная переписка Бакунина (а она почти что неизвестна русскому читателю) чаще всего имела заключительную просьбу: «Обязательно сожгите». Я не говорю уже о том, что переписка эта была тщательно зашифрована. Марксу и Энгельсу, противникам Бакунина, не были известны эти конспиративные документы. Правда исключение составляют устав тайного Альянса, затем письмо к Франческо Мора⁵, которые были опубликованы в брошюре об Альянсе. На основании этих именно документов Маркс и Энгельс составили ту оценку деятельности Бакунина и всех его ошибок, которые т. Стеклов цитировал из брошюры об Альянсе. На основании крайне недостаточных данных, почти по догадке, Маркс и Энгельс по существу правильно подчеркнули основные противоречия системы Бакунина. Мы находимся в более счастливом положении, потому что в нашем распоряжении имеется материал, который раскрывает перед нами интереснейшую картину будущего общества, как его представлял себе Бакунин. Бакунин не любил говорить о «будущем». Он вообще не хотел много думать над разрешением задач, которые возникнут «на другой день» после социальной революции. Об этом, по его мнению, должны будут позаботиться другие, которые придут «завтра». И все-таки в его литературном наследстве имеется проект, одно из замечательнейших произведений Бакунина, в котором он подробнейшим и детальнейшим образом обсуждает структура и особенности того нового общества, которое должно самочинно возникнуть «снизу вверх», на основе вольной федерации, на развалинах разрушенного старого общества и государства. На русском языке этот проект Бакунина еще не опубликован. Извлечения из него были мною приведены в 5-й книге журнала «Каторга и ссылка» в статье «Тайный Интернационал Бакунина». Документ этот представляет собой обширный (около 5 печатных листов) проект тайного общества, составленный Бакуниным в Италии в 1866 году. С этого проекта и начинается, собственно, период деятельности Бакунина, который можно считать анархическим.

Здесь в общих чертах и довольно систематически излагаются основы анархического учения, каким мыслил его Бакунин, основы организационной деятельности, цель общества, уставом которого и являлся проект. В первой же части проекта, в разделе «революционный катехизис», была дана характеристика той общественной постройки, которая должна была заменить, по мнению Бакунина, подлежащий разрушению старый строй. Правда, этот устав был написан в 1866 году. Правда, в позднейших вариантах имелись некоторые, иногда существенные, отличия от него, но все, что было написано Бакуниным в 1866 году, остается основной работой, где Бакунин изложил свои организационные принципы и воззрения на будущее общество. Общество, которое Бакунин рисовал в этом уставе, было той системой федерализма, которую противопоставлял он централизму. В позднейших работах — «Государственность и анархия», в «Мотивированном предложении Центральному комитету Лиги мира и свободы» и в позднейших уставах тайного общества — он противопоставлял централистскому государству федералистическую организацию, такую комбинацию автономных общественных учреждений, которая строится снизу вверх на основе вольной федерации в противовес централистскому государству, которое создается сверху вниз. Как же представляет Бакунин организацию этого будущего общества? В «уставе», о котором идет речь, он подробно характеризовал идеал абсолютной свободы личности и свободы ассоциаций, также абсолютной, не ограниченной. Неограниченность эта простиралась так далеко, что за личностью признавалась свобода быть моральной или неморальной; могли даже существовать ассоциации, которые ставили себе неморальные цели и даже разрушение индивидуальной и общественной свободы. Казалось бы, в области осуществления «абсолютной», «неограниченной» свободы дальше идти некуда. В этом обществе отменены монархия и все учреждения государства: отменен суд, отменены армия, полиция, церковь, отменены казенные школы и университеты. Создано новое свободное общество. Но вот, странным образом, изучая это общество, мы видим, что в тех параграфах, в которых Бакунин пытался охарактеризовать его не со стороны того, что уничтожается из учреждений старого общества, а со стороны того, что существует в новом, сохранены крайне занимательные черты. В этом неограниченно свободном обществе за человеком признавалось «абсолютное» право проповедовать неморальные мысли, но это, оказывается, вовсе не означало, что «абсолютно» свободный человек в «абсолютно» свободном обществе такое «право» сможет осуществить. Ничего

подобного! Это великое заблуждение — ибо «абсолютно» свободное общество, по проекту антиавторитариста Бакунина, вовсе не будет равнодушно созерцать, как его член станет совершать неморальные (с точки зрения «общества») поступки. Общество *не позволит этого*, оно выступит против своего сочлена, который вздумает воспользоваться своей «абсолютной» свободой против интересов целого, ибо общество «не должно оставаться совершенно безоружным перед лицом паразитирующих, злостных и вредных субъектов». Какими же мерами воздействия располагает это «абсолютно» свободное общество, чтобы принудить к повиновению непови누ющегося, хотя и «абсолютно» свободного гражданина? А вот какими: оно может лишить некоторых лиц *политических прав*. Как?? В абсолютно свободном обществе анархистов будут *политические бесправные*? *Выходит, что так*. Но какими лишениями грозит гражданину потеря этих прав? Вот какими: «Все лица, утратившие политические права, теряют равным образом право воспитывать своих детей и иметь их при себе». Но ведь это чудовищное нарушение прав «абсолютно» свободного человека? *Выходит, что так*. Все это очень удивительно для анархического «безвластного» общества. И удивление наше возрастет, когда мы, тотчас за приведенным только что пунктом, прочтем следующее: «В случае нарушения свободно принятых на себя обязательств или в случае открытого и доказанного посягательства на собственность, личность и в особенности на свободу гражданина своей страны или иностранца, общество налагает на местного или чужого гражданина, совершившего проступок, *наказание*, положенное по местным законам». Как?? В абсолютно свободном безвластном обществе будут *наказания и законы??* *Выходит, что так*. Значит, будет и суд? Да, будет и суд. Значит, и ассоциации могут быть узаконенные и не узаконенные, бесправные? Да, об этом ясно говорит один из пунктов «устава». И все это будет называться абсолютно свободным, безвластным обществом? *Выходит, что так*.

Перед нами крайне любопытное происшествие: враг всякой власти, отрицатель государственного принуждения, апологет неограниченной свободы личности — он отверг одни за другими все органы и учреждения государства, как организации насилия. Он мысленно разрушил его до основания, не оставил от него камня на камне и мысленно же на его развалинах стал строить свой новый, свободный, безгосударственный, федералистический строй. И по мере того, как возникала и росла эта новая его постройка, в ней, под теми же самыми именами и с той же самой принудительной силой, возродились все «властные» органы старой, отвергнутой,

уничтоженной, авторитарной организации: исполнительные органы, парламент, милиция, суд, наказания и даже учреждение древнего мира: остракизм⁶. Если какой-нибудь гражданин, желая проявить свою абсолютную свободу, захочет паразитировать, он этим своим намерением поставит себя вне общества, основа которого заключается в труде. А поскольку абсолютно свободная личность не желает добровольно подчиниться обществу, последнее *изгоняет его из своей среды*. Если же личность не только не пожелает удалиться, но будет продолжать свое неморальное и антиобщественное поведение, строптивая личность объявляется вне закона, и всякий гражданин имеет право убить ее, как бешеное животное, причем обществу не будет до этого никакого дела. Если проанализировать такую систему свободного общества с точки зрения наличности в нем какого бы то ни было авторитаризма, *можно ли отрицать в нем наличность авторитаризма, власти, насилия?* Принцип власти, отрицавшийся Бакуниным, с какой-то фатальной неизбежностью возродился в его федералистическом проекте.

Вот как строил мысленно Бакунин свою систему федерального государства: общины свободных людей, на основе добровольных соглашений, объединяются в соединенные штаты Европы, или интернациональное союзное объединение. Как управляется, как живет союз федеральных общин и провинций? Общины устраивают свои общественные дела через посредство *представителей*, которые создают провинциальный парламент, издающий законы, обязательные для всех общин, составляющих данную провинцию. Объединение провинций в федерацию составляет национальную федерацию; эта национальная федерация руководит жизнью всех провинций и общин через посредство национального парламента, который может состоять из одной или двух палат. Национальный парламент, с одной стороны, издает законы, обязательные для всех входящих в нацию провинций и общин и, кроме того, контролирует национальное правительство и суд. Национальные и провинциальные суды выносят безапелляционные решения, и только в том случае, когда решение касается спора наций между собой, они могут апеллировать к интернациональному суду, который, предположительно, может быть создан. Бакунин мыслил свою федерацию, как федерацию революционных народов, совершивших победоносную революцию, разрушивших старое государство дотла. В этих революционных федерациях не должно существовать армий, но останется милиция. Бакунин говорит о всеобщем вооружении, всеобщем участии граждан в защите государства. Если какой-нибудь из частей революционной федерации придется вести

настоящую войну с государством, стоящим вне федерации, должна быть создана настоящая армия, и эта армия будет, разумеется, управляться так, как должна управляться армия для того, чтобы победить нападающего врага.

Наш беглый и поверхностный анализ особенностей бакунинской федерации (а у нас сейчас нет времени задерживаться на проекте более подробно) говорит о том, что, когда Бакунин от абстрактного провозглашения индивидуальной свободы, свободы личности и абстрактного отрицания принципа власти, пытался строить свою «свободническую» федерацию, он приходил к авторитаризму, к власти, к законам, к правительству, суду; он сжимал личность всеми теми ограничениями, которые он отрицал в государстве, обвиняя государство в том, что оно уничтожило свободу человека.

Если анархисты могут нам сказать, что пред нами только *проект* и что «проекту», не проведенному в жизнь, не следует придавать большого значения, мы ответим, что мы относимся к этой работе именно как к «проекту», к созданию теоретической мысли Бакунина. Но ведь это все-таки была теоретическая *мысль* и именно *мысль Бакунина*, — а ведь в этом все дело! Бакунин почитается апологетом свободы личности, борцом за свободу личности против какого бы то ни было стеснения ее государством, отрицателем *всякого* государственного насилия, насилия, как принципа. Но я спрашиваю: если изгнание из общества — не авторитаризм, если отнятие детей у родителей — не авторитаризм, лишение политических прав — не авторитаризм, если все это нельзя назвать авторитаризмом, то я не знаю, что в таком случае следует и можно назвать авторитаризмом. Совершенно ясно, что федералистическое государство Бакунина, когда мы анализируем его с точки зрения нахождения в нем насильственных «властных» тенденций, обладает всеми свойствами *государства*, того самого, с которым боролся Бакунин, когда имел перед собой государство капиталистическое, централистическое, буржуазное. Это одно из самых крупных противоречий бакунинской системы. Но, подчеркивая это противоречие, я делаю это не в хулу Бакунину, я не говорю, что это *плохо*. Наоборот. Мне представляется, что это именно и хорошо. Эти противоречия и спасали Бакунина-революционера. Его выручала здесь революционная интуиция. Если бы Бакунин строил свое анархическое, безвластное общество совершенно независимо от конкретных возможностей, не реальное, маниловское, прекраснородушное общество, где все свободны и все обстоит благополучно, облик Бакунина должен был бы потускнеть. В своем проекте Бакунин противоречит себе, но ведь это противоречие говорит о том, что Бакунину было ясно, что вопрос о свободе

личности, вопрос об обществе и личности, вопрос об организации идеального человеческого общежития, не так элементарно прост, как он может казаться мечтателям в абстрактных идеалистических мечтах. И когда от анархических мечтаний он обращался к земле, с ее кровью и железом, он начинал видеть, что в этом мире борьбы и необходимости одними благими пожеланиями и прекрасными мечтами не обойдешься. И, отрицая насилие и власть в современном ему буржуазном, капиталистическом государстве, не признавая за этим государством права на власть и силу, он и власть и силу признавал, поскольку они становились орудиями большинства человечества против эксплуатирующего или пытающегося это делать меньшинства. Особенно ярко и выразительно сказалось это основное противоречие в тайной организационной деятельности Бакунина, на которой мы кратко остановимся. Деятельность эта по сие время еще очень мало исследована. И нам опять поможет здесь тот самый проект, которым мы пользовались выше. Прежде всего, говоря о конспиративной деятельности Бакунина, надо различать два вопроса, две части этой деятельности. Принципы организации тайного общества — во-первых, и роль тайного общества в социальной революции — во-вторых. Это — два различных вопроса, которые следует рассмотреть порознь. Мы скажем наперед, что и в своей тайной деятельности Бакунин шел по тому пути, который он отрицал у своих противников. Ведь Бакунин — дезорганизатор I Интернационала, Бакунин — противник Маркса и Генерального Совета, — Бакунин в своей борьбе напирал именно на централистические, авторитарные, несвободнические тенденции Генерального Совета. Вся борьба Бакунина была заострена именно против этих тенденций; он ведь был вождем и знаменем групп, не желавших принять те организационные формы, которые волей-неволей революционная работа выдвигала как необходимые. В этом был свой смысл анархистской теории Бакунина и его анархистского наследства, которым по сие время питается еще кое-кто, извлекая из Бакунина антиавторитарные, антицентралистические, свободнические начала. Но посмотрите, как строил Бакунин свою тайную организацию. В кратких организационных проектах Бакунина о роли отдельного члена организации, о положении человека в тайном обществе почти ничего не сказано. Но в основном уставе, написанном в 1866 г., о котором мы говорили выше, чрезвычайно подробно и детально характеризуется самый механизм тайного общества, система его управления, связь его разветвлений и влияние на каждого отдельного члена. Развертывание этой организации происходило по принципу сверху вниз, а не снизу вверх, вопреки

общим декларациям Бакунина, провозглашавшим вредоносность такого централистического принципа. Если мы вспомним, что один из самых серьезных упреков, который бросал Марксу Бакунин, заключался в том, что Маркс был централистом, что Интернационал строился централистически, что Генеральный Совет стремился к централизованному руководству своими секциями, то нас должно удивить это обстоятельство: организация самого Бакунина строилась именно централистически, сверху вниз. Центральная директория во главе мировой тайной организации, затем национальные юнты⁷, назначаемые центральной директорией в отдельных странах. Каждая национальная юнта создает областные комитеты в соответственных частях страны; областные комитеты создают провинциальные комитеты, каждый провинциальный — общинные комитеты, каждый общинный комитет, с помощью отдельных щупалец, подбирает вокруг себя людей. Вся система разветвляющихся подразделений строилась таким образом, чтобы соседние части организации не знали друг друга, чтобы сношения происходили через доверенных людей, с помощью паролей и условных знаков. Члены организации разобщены; они знают только ближайших соседей и своих нисходящих агентов. Этого требует конспирация, которая должна соблюдаться строжайшим образом. Нельзя сомневаться в том, что принцип, по которому строилась эта организация, был принцип централистический. Но мало этого. Кроме централизма, в основу организации была положена строжайшая дисциплина; по уставу красной нитью проходит положение: все учреждения низшие подчинены безусловно, совершенно неопровержимому авторитету учреждений высших. Никаких несогласий с решениями, принятыми высшей инстанцией, быть не может: этим решениям можно только подчиняться, не прекословя, не возражая. Когда в организацию принимается новый член, этому новому члену предъявляется революционный катехизис, система воззрений, которую он может принять или отвергнуть, но критиковать которую ему не дано. Если он катехизис принимал беспрекословно, организация принимает его в свои ряды; иначе — он принят в нее быть не может. А если он в организацию вошел, то никакой речи о невыполнении директив, идущих сверху, быть не может. При приеме нового члена в организацию (здесь сказалась связь конспираторских проектов Бакунина с уставами масонских лож, с уставами тайных обществ начала XIX века) от него отбиралась клятва, суровое отречение от своей личной воли, торжественное обещание всего себя без остатка отдать в распоряжение организации. Эта клятва представляет большой интерес. <...>

Если я спрошу вас, когда и кто из самых отъявленных врагов централиста и авторитариста — Маркса мог упрекнуть его в создании такой системы повиновения, какая создавалась Бакуниным, то, разумеется, вы такого человека не найдете. Авторитарист и централист Маркс пришел бы в ужас, если бы читал эту клятву, которую отбирали от членов тайной организации. Я опять-таки говорю это, не желая корить Бакунина. Я полагаю, что и здесь Бакунина спасала революционная интуиция, ибо организацию тайную, верхушечную, интеллигентскую, оторванную от масс, заговорщицкую организацию, которую он строил, нельзя было строить иначе. Я думаю, что по размаху и последовательности, с какой личность подчинялась дисциплине и лишалась вместе с тем своей воли и самостоятельности, рядом с бакунинским проектом может быть поставлена только одна организация. Это — орден иезуитов (смех). Товарищи, вы напрасно смеетесь. Бакунин был знаком с уставом ордена иезуитов, относился положительно к системе управления этим орденом, и можно утверждать, что в его проекте устава отразилась эта система ордена иезуитов. Об этом сам Бакунин говорит весьма ясно. Чтобы рассеять в вас подозрения на этот счет, я позволю себе процитировать одно место из письма Бакунина Альберу Ришару от 6 февраля 1870 г. Вот что читаем мы в этом письме: «Коллективное действие невидимой организации, раскинутой по всей стране. Если мы не создадим этой организации, мы никогда не выйдем из состояния бессилия. Ты, который любишь размышлять, неужели ты не задумывался над главной причиной могущества и живучести иезуитского ордена? Хочешь я тебе ее назову? Так вот, мой милый: оно заключается в полном растворении личности в воле, в организации и действии коллектива».

Это писал анархист Бакунин, превыше всего ставивший свободу человеческой личности. Вы скажите: противоречие. Я также нахожу здесь противоречие, но такое, которое освещает революционную организацию. Вообще представление о Бакунине, как о враге всякой организации, о противнике всяких уставов, всякой регламентации, это представление надо сдать в архив, это представление совершенно не соответствует действительности. Это ложное, обманчивое, поверхностное представление. Самый устав, которого я сейчас из-за недостатка времени касаюсь лишь бегло и поверхностно, говорит о том, что Бакунин был апологетом хорошей, крепкой регламентации, сторонником организованной работы. То, что я говорил выше, дает достаточный материал для такого суждения. Здесь, чтобы не быть голословным, я позволю себе привести еще слова Бакунина относительно того, следует или не следует отрицательно относиться к уста-

ву, к регламенту. Он пишет Альберу Ришару 4 декабря 1868 года: «Вы пишете мне, дорогой друг, что “вы враг всяких уставов и утверждаете, что они годятся только для забавы детей”. Я не вполне разделяю ваше мнение по этому пункту. Излишняя регламентация отвратительна, но я думаю, как и вы, что “серьезные люди должны иметь заранее намеченный путь своего поведения и не должны от него отклоняться”. Однако условимся. Что установить известную согласованность в действиях, необходимую, по-моему, между самими серьезными людьми, стремящимися к одной и той же цели, требуются известные условия, известные установленные правила, одинаково обязательные для всех; требуется соглашение, уговор, часто возобновляемый, иначе, если каждый будет действовать по своему усмотрению, самые серьезные люди в конце концов могут, должны будут, придти к тому, что при всей доброй воле станут мешать друг другу, парализовать друг друга. Наступит дисгармония, а не гармония и спокойствие, к которым мы все стремимся. Надо знать, как, когда, где найти друг друга, к кому обратиться, чтобы иметь возможность воспользоваться содействием всех. Мы не богаты и, только объединив и упорядочив наши средства и наши совместные действия, мы достигнем создания капитала, способного конкурировать с объединенными капиталами наших противников. Небольшой капитал, хорошо организованный, имеет большую ценность, чем большой капитал, дезорганизованный и плохо примененный» и дальше: «...нужна реальная организация, а организация не бывает без известной регламентации, которая в конце концов не что иное, как продукт взаимного соглашения или договора».

Но ведь такое понимание организации есть бланкистское понимание. В бакунизме оказываются существенные элементы бланкизма. Где же Бакунин анархист, который говорит об анархии, о вспышечкопускательстве, о бунтах? В конспиративной переписке Бакунина все это принимает весьма организованный характер. Когда Бакунин выступает как организатор, он выступает как якобинец, бланкист, прекрасно понимающий необходимость и силу организованности. Представление о Бакунине, как о человеке, который всюду вносил беспорядок, всюду стремился все дезорганизовать, свалить в кучу, разнести в прах, выйти на вольную волюшку и просто дать людям по своей воле пожить, — это представление превратное. Самое понятие «анархия», оказывается, нуждается в серьезных коррективах. «Мы понимаем революцию, — писал он в уставе «Альянса», — в смысле разнуздания того, что теперь называют дурными страстями, и разрушения того, что на том же языке называется «общественным порядком».

Мы не боимся, мы призываем анархию, убежденные, что из этой анархии, т. е. полного выражения разнузданной народной жизни, должна выйти свобода, равенство, справедливость, новый порядок и самая сила революции против реакции»...

Но почему Бакунин не боялся «анархии», не опасался «разнуздания дурных страстей»? Да просто потому, что в его понимании анархия была лишь освобожденным народным морем, вышедшим из берегов и разрушающим все вредные преграды. Но эта «анархия» не была слепой, ничем не руководимой, неорганизованной силой. В том-то и дело, что «анархия» обязательно нуждалась в некотором «дополнении», и дополнением этим было железное руководство этой самой анархией. Если слово «анархия» понимать в том смысле, что это вообще беспорядок, разрушение, вспышкопускательство и проч., тогда Бакунин никогда анархистом не был. Но в том-то и дело, что Бакунин, когда говорит об анархии, добавляет, что анархия нуждается в руководстве; под анархией он понимал вовлечение широчайших народных масс в революционное движение, под анархической понимал такую революцию, которая подняла бы и увлекла за собой всех без исключения, подняла бы восстание в широчайших пределах, до самых отдаленных углов страны, чтобы ее главным деятелем были широкие народные массы, но эти народные массы, слепые в своих стихийных, революционных порывах, не должны разрушать без руководства. В эту мысль о руководстве «анархией» упирается Бакунин. Ведь то самое тайное общество, устав которого я цитировал, это замечательное произведение, одно из самых выдающихся утопических созданий, которые знает XIX век, — оно ведь и ставило своей целью руководить анархической революцией, поднять народное море, вызвать социальную мировую революцию и руководить ею. По его проектам анархия, всеобщее народное восстание будут разрушать старое государство со всеми его учреждениями, но в этом море анархии будет железная организация, сеть преданных революции людей, повинующихся воле, идущей из центральной, руководящей верхушки, и только при наличии такой организации Бакунин мыслил победу анархической социальной революции. Планы Бакунина, его замыслы были грандиозны: ведь это был замысел тайного Интернационала, рядом с Интернационалом явным, с Интернационалом Маркса, с Интернационалом, который, по мнению Бакунина, не мог выполнить ту революционную задачу, которую он себе поставил. Вот в этом отрицательном отношении Бакунина к Интернационалу явному, в неверии Бакунина в способность этого Интернационала организовать революцию и лежит причина того странного поведения Бакунина, которое до сих пор не нашло

еще объяснения. Бакунин в 1864 году во время свидания с Марксом в Лондоне был принят в Интернационал, получил от Маркса устав Интернационала, обещал работать в пользу Интернационала, уехал в Италию и как в воду канул. Два письма Маркса остались без ответа, и только на третье Бакунин ответил любезным письмом, в котором ссылаясь на непредвиденные случайности, помешавшие ему выполнить обещание перевести и распространить устав Интернационала. И когда Бакунин в 1867 году вышел из итальянского уединения, он появился не в Интернационале, а в Лиге мира и свободы, и только в 1868 году, в июле вошел в женеvскую секцию Интернационала. Поскольку у Бакунина не было веры в Интернационал, поскольку он был увлечен своим планом создать тайный Интернационал, сильный именно тем, что был «тайным», постольку у Бакунина не было никакой охоты вступать в Интернационал явный, чтобы связывать себя дисциплиной, чтобы работать так, как требовал Генеральный Совет. И вот, создавая тайную организацию и перенося ее в недра Интернационала, Бакунин ставил своей организации определенные задачи. Нужно заметить, товарищи, что эта история еще не выяснена досконально. Я знаю, что присутствующий здесь друг и ученик Бакунина, М. П. Сажин, которого я очень люблю и уважаю, не согласен с тем, что я буду говорить о борьбе Бакунина с Марксом в Интернационале, он неоднократно высказывал мне свое несогласие. Точно так же не согласен со мною и М. Неттлау, который заявляет, что я ошибаюсь, что мое исследование идет в сторону от исторической правды. На самом деле, говорят анархисты, тайного Интернационала не было, не было тайного «Альянса» в пределах Интернационала, но когда Интернационал отказался принять «Альянс» в свою среду, он был ликвидирован в январе 1869 года, и лишь после исключения своего из Интернационала Бакунин вновь принялся за организацию тайного «Альянса». Но я полагаю, что те документы, которыми мы располагаем, достаточно убедительно говорят о том, что «Альянс» и его ответвления в Швейцарии, в Испании, в Италии действительно существовали. Позвольте процитировать документ, — а процитировать его необходимо, потому что иначе, в самом деле, может показаться, что я с пристрастием вычитываю то, о чем нельзя еще говорить с достаточной убедительностью. Когда Бакунин строил свою тайную организацию, для него было ясно, что без такой организации немислима победа революции. Некоторые цитаты, освещающие этот вопрос, из писем Бакунина приводил г. Стеклов. Мне приходится только дополнить для полной ясности. Вот что читаем мы в письме Бакунина Альберу Ришару от 12 марта 1870 г.:

«А когда час революции пробьет — ликвидация буржуазного государства и общества вместе с его юридическими отношениями. Анархия, т. е. подлинная, открытая народная революция: анархия юридическая и политическая и экономическая организация снизу доверху и от периферии к центру торжествующего мира трудящихся.

А для того, чтобы спасти революцию, чтобы привести ее к благополучному завершению — в самой среде этой анархии действие коллективной диктатуры, невидимой, не облеченной никакой властью, но тем более действенной и могущественной — естественное действие всех революционеров-социалистов, энергичных и искренних, рассеянных по всей поверхности страны, по всем странам, но крепко спаянных единой мыслью, единой общей волей».

Как видим, здесь «анархия» является перед нами в виде не совсем обычном: «анархия», в самой среде которой обитает «коллективная диктатура», которую никто не облакал властью, которая эту власть захватывает сама, революционным починком. В следующем письме от 1 апреля 1870 года Бакунин еще яснее выражает свои сокровенные мысли: «...Я вижу спасение только в революционной анархии, — читаем мы, — руководимой всецело незримыми коллективными силами, в единственной диктатуре, которую я приемлю, ибо только она совместима со свободным и целостным ходом революционного движения».

И дальше: «Революционеры — политиканы, приверженцы диктатуры, — желают после первых побед успокоения страстей, хотят порядка, доверия масс, подчинения созданным на пути революции властям. Таким образом, провозглашают новое государство. Мы же, напротив, будем питать, побуждать, разнуздывать страсти, вызывать анархию к жизни, как незримые кормчие будем руководить ею в народной буре, руководить не конкретной, видимой властью, но коллективной диктатурой всех союзников (Alliirte⁸). Диктатурой без титулов и знаков отличий, без официальных прав, диктатурой тем более мощной, что она лишена будет внешней видимости власти. Это единственная диктатура, какую я приемлю. Но для того, чтобы она возымела свое действие, она должна быть налицо. А для сего надобно подготовить ее и организовать наперед, ибо она не возникнет сама собой ни из дискуссий, ни из разногласий и принципиальных споров, ни из народных собраний.

Пусть — немного союзников (Alliirte), но твердых, деятельных, выдержанных, верных, и, прежде всего, свободных от тщеславия и личного честолюбия, сильных людей, достаточно серьезных и возвышенных душою и сердцем для того, чтобы предпочесть истинное могущество тщеславным его атрибутам. Создайте вы

эту коллективную и незримую диктатуру — и победа за вами. Революция будет иметь хорошего кормчего и победит. Но если нет — то нет. Если вас прельстит игра в комитет народного спасения, зримая диктатура, вы падете под ударами вами же созданной реакции».

Здесь «незримая» тайная диктатура союзников Бакунина, организованных в тайный Альянс, противопоставляется всякой иной диктатуре, зримой, «политической» и т. д. Но речь идет все-таки о диктатуре. Ее «незримый» характер лишь подчеркивает своеобразие бакунинского «анархизма». В том же письме он еще раз возвращается к «диктатуре», к «власти», страстным врагом которых он был в своих публичных выступлениях:

«Существует одна лишь единственная власть, единственная диктатура, коей организация благотворна и возможна, — незримая диктатура союзников (Alliirte) во имя нашего принципа; и тем полезней и могущественней будет она, что лишена будет всякой официальной, видимой власти»*.

Из сказанного можно заключить, что, когда Бакунин боролся против диктатуры Генерального Совета, он боролся не против диктатуры вообще, а только против диктатуры Генерального Совета, имея про запас диктатуру, которую считал более мощной, более сильной потому, что она была незримой, невидимой, так как, по его мнению, диктатура явная, видимая была бессильна. Бакунин, таким образом, не был врагом диктатуры вообще, в его учении, безвластном, анархическом, антиавторитарном, были скрыты, тщательно законспирированы элементы самой доподлинной революционной диктатуры, невидимой, тайной, которую Бакунин имел в виду, когда создавал свой Альянс и когда переносил его в недра Интернационала. Макс Неттлау и другие анархистские историки вместе с тов. Сажиным утверждают, что после роспуска тайного Альянса в Женеве в 1869 г. он более не возрождался. Я полагаю, что это неверно. В январе 1869 года в Женеве была произведена лишь чистка Альянса: из него под предлогом ликвидации организации были изгнаны лица, которым Бакунин перестал верить и которые ему перестали верить. Альянс был затем восстановлен, по-прежнему в виде тайной организации. К чему стремился Бакунин? Почему вводил он в Интернационал свою тайную организацию? Бакунин ведь считал Международное Товарищество Рабочих чрезвычайно полезной и чрезвычайно важной организацией. Вот как харак-

* Письма Бакунина А. Ришару опубликованы нами в журнале «Печать и Революция». См. кн. 1 и 5 за 1926 год.

теризовал он задачи и роль Интернационала в письме к Мораго⁹ от 21/V 1872 года*:

«Тем, кто спросит нас, какая польза от Альянса теперь, когда ведь существует Интернационал, мы ответим: конечно, Интернационал — великолепное учреждение, он, несомненно, прекраснейшее, самое полезное, самое благодетельное создание нашего столетия. Он создал основу солидарности трудящихся всего мира. Он дал им начатки организации, выходящей за границы всех государств, вне мира эксплуататоров и привилегированных. Он сделал больше: он уже ныне содержит первые семена организации будущего единства и в то же время пробуждает в пролетариате всего мира сознание собственной силы. Все это, конечно, огромные услуги, оказанные великому делу всемирной социальной революции. Но этого учреждения недостаточно для организации и руководства революцией.

Интернационал подготавливает элементы революционной организации, но он не осуществляет ее. Он подготавливает их путем открытой и легальной борьбы солидарно объединенных рабочих трудящихся всех стран против эксплуатирующих труд капиталистов, землевладельцев и промышленных предпринимателей, но дальше этого он не идет. Единственное, чем он занимается, кроме этой весьма полезной работы, это — теоретическая пропаганда социалистических идей среди рабочих масс, также очень полезная работа, необходимая для подготовки массовой революции, но еще очень далекая от революционной организации масс.

Одним словом, Интернационал является огромной средой, благоприятной и необходимой для этой организации, но он еще не самая организация. Интернационал принимает в свое лоно всех честных работников без различия политических и религиозных убеждений, при единственном условии признания солидарности борьбы трудящихся против эксплуатирующего труд буржуазного капитала, со всеми вытекающими из этого последствиями». <...> В силу того, что, по мнению Бакунина, Интернационал еще не был организацией, достаточной для революционной борьбы, Бакунин и считал необходимым существование тайного Альянса, который руководил бы Интернационалом. Чтобы показать, что здесь нет никаких измышлений, я позволю себе привести несколько строк из письма Бакунина, где он совершенно четко и ясно это высказывал: «Интернационал и Альянс, — писал Бакунин 21 января 1872 года испанскому альянсисту Мораго, — отнюдь не враги, как старается доказать всему миру

* См. «Историк-Марксист», том. 2, 1926 г.

лондонская синагога Маркса. Напротив, Альянс является необходимым дополнением к Интернационалу, дополнением, без которого последний превратился бы в своего рода чудовищное международное государство, под диктатурой Маркса, — чего, по-видимому, и добивается ныне клика Маркса — и сделался бы послушным орудием для проведения планов честолюбивых и потому противоречащих истинному освобождению народных масс. Но при единой конечной цели, ближайшие цели обеих организаций различны. Интернационал имеет целью объединить трудящиеся массы, миллионы трудящихся, невзирая на национальные и местные особенности, в единый огромный, компактный организм; назначение Альянса — придать этим массам действительно революционное направление. Программы обеих организаций, отнюдь не противоречащие друг другу, различаются степенью развития. Программа Интернационала, если рассмотреть ее серьезно, содержит в зародыше, но только в зародыше, всю программу Альянса. Программа Альянса — это конечное объяснение программы Интернационала».

Вспомните, что Бакунин от участников своего тайного общества требовал принятия наперед определенной доктрины. В Интернационале, который, по мнению Бакунина, должен вовлечь в себя как можно больше рабочих масс, Бакунин, наоборот, исключал необходимость единой доктрины. Интернационал не должен иметь никакого единого учения потому, что Интернационал, по мнению Бакунина, является массовой организацией, которая должна вместить в себя людей самых различных воззрений. Это именно и отличает Интернационал от Альянса, который, напротив, строился на основе единого революционного катехизиса.

«Усвойте, любезный друг, убеждение, — писал он Людовику Набруцци 23/1—1872 года, — что у Интернационала нет обязательного учения, какое имеется, например, у республиканского альянса Мадзини, где каждый член должен безусловно разделять религиозную, метафизическую, политическую и буржуазно-социалистическую программу мэтра.

Интернационал предоставляет всем своим секциям свободу, самую широкую как в отношении теорий, так и в отношении практической организации. Мадзинисты, авторитарные с ног до головы, не понимающие, что возможно жить и организовываться без диктуемых сверху вниз мыслей и тактики, считают это отсутствие официального учения в Интернационале величайшим преступлением или, по меньшей мере, явной глупостью; они не хотят понять, что навязанные сверху вниз теории создают лишь беспомощные, бесплодные секты, подобные республиканскому альянсу Мадзини,

но никак не могут создать мощной ассоциации пролетариата всех стран по типу Интернационала».

Отсюда становится понятным различие, которое проводил Бакунин между своим Альянсом и Интернационалом. Делается также ясной причина, заставлявшая его стремиться к превращению Генерального Совета из боевого штаба международной революционной организации в простое статистическо-справочное бюро. Интернационалу, с его секциями, с огромным количеством организованных членов, он предоставлял роль тела, роль же головы и всей центральной нервной системы оставлял за своим Альянсом. Вот как характеризовал цель своего Альянса Бакунин в письме к Мораго, выше уже цитированном:

«Наша цель — создание мощного, но всегда невидимого революционного сообщества, которое должно готовить революцию и руководить ею; но даже во время открытой революции оно, ни в совокупности, ни в лице отдельных своих членов, не займет официального общественного правящего положения, так как в действительности не имеет иной цели, как уничтожить все правительства и повсеместно, навсегда сделать их существование невозможным; оно представляет полную свободу революционному движению масс и их социальной организации снизу доверху на основах добровольной федерации и безусловнейшей свободы, но оно следит за тем, чтобы при этом никогда не могли вновь возникнуть власти, правительства и государства; со всяким проявлением честолюбия, коллективного (как у клики Маркса) или индивидуального, оно борется путем естественного, *никогда не принимающего официальную форму*, влияния всех членов нашего Альянса, рассеянных по всем странам и сильных только той солидарностью своей работы и тем единством принципов и целей, которые всегда должны существовать среди них».

И дальше Бакунин отчетливо определяет задачи, какие ставил он Альянсу, замечая при этом, что речь идет об Альянсе, существовавшем «в самом лоне Интернационала». Я обращаю внимание на эти строки; они имеют чрезвычайно большое значение для понимания деятельности и роли Бакунина в Интернационале.

«Таковы идея и цель Альянса. Он представляет собой тайное общество, образовавшееся в самом лоне Интернационала, чтобы дать последнему революционную организацию, чтобы превратить его и все невходящие в него народные массы в достаточно организованную силу, которая могла бы уничтожить политико-клерикально-буржуазную реакцию и разрушить все экономические, юридические, религиозные и политические установления государств».

Это было написано 21 мая 1872 года, т. е. до того, как Бакунин был исключен из Интернационала. Во всяком случае, эти письма Бакунина говорят о существовании Альянса, о том, что он был создан в лоне Интернационала, и именно этому Альянсу Бакунин предназначал роль незримого центра мирового революционного движения. Для того, чтобы не было никакой помехи, для того, чтобы эту роль не пытался взять на себя Генеральный Совет, Бакунин должен был разрушить Генеральный Совет, как централизованную организацию.

Это намерение его подогревалось еще и тем ошибочным представлением, какое Бакунин составил себе относительно роли Маркса в Интернационале. Как заговорщик, любитель конспираций, не понимавший необходимости организации в ту эпоху широкого, открытого, массового рабочего движения, находящийся в плену старых заговорщических традиций, Бакунин и в Марксе и Энгельсе видел таких же, как и он сам, заговорщиков, подозревая их в том, что в лоне Интернационала они создали тайную организацию, послушно выполнявшую их поручения. Об этом он с уверенностью сообщал Мораго в письме от 21 мая 1872 года. «Тайный заговор», душой которого был Маркс, по словам Бакунина, существовал с самого 1848 года.

Я не знаю, достаточно ли ясно мне удалось показать, что обычное представление об анархизме Бакунина несколько превратно. Бакунин отрицал авторитаризм, а в своем организационном учении был авторитаристом; отрицал централизм — и создавал централистическую организацию. Отрицал иерархию — и создавал иерархию. Призывал к абсолютной, неограниченной свободе личности — и был сторонником железной дисциплины; борясь как будто против регламентированной организации — сам создавал железную организацию с твердым регламентом. Выступая ярим противником и врагом диктатуры — на деле стремился к незримой диктатуре в мировой социальной революции. Все это очень противоречиво, но в том-то и дело, что, если бы этих противоречивых черт не было в тайной деятельности Бакунина, перед нами не было бы и величайшего из мелкобуржуазных революционеров. Если бы не было в Бакунине этих противоречий, если бы он на деле не отрицал общих, идеалистических, маниловских формулировок анархистского учения, то тогда, конечно, не было бы Бакунина — организатора революционной организации, не было бы идеолога и вождя мелкобуржуазных революционных масс. В смысле внутренних противоречий Бакунин представляет собой одновременно великую и трагическую фигуру. В судьбе его есть какой-то параллелизм с Марксом. Они почти ровесники, разница в 4 года; в юности они шли по одному и тому же философскому пути, и даже в руках Маркса случайно ока-

зался тот самый экземпляр Гегеля, по которому его изучал Бакунин. Оба они пили из великого источника французской революции, оба были одержимы революционной страстью, оба хотели социальной революции, но вместе с тем эти два человека исторически были представителями двух враждебных стихий, двух разных эпох и разных, непримиримых методов. Учение Маркса выросло на почве немецкой идеалистической философии, французского социализма и английской политической экономии. Немецкая философия, французская революция, английское рабочее движение, рабочее движение капиталистической Европы — вот те три элемента, которые были синтезированы в учении Маркса. Учение Бакунина выросло на почве той же немецкой философии, того же французского социализма, но ему не хватало английской политической экономии, не хватало третьего элемента, опыта европейского рабочего движения капиталистической эпохи. Вместо этого опыта, вместо этого третьего элемента у него за плечами были эпоха панславянской борьбы, славянский национализм, идеология угнетенных крестьянских масс, закабаленных славянских народностей. Ему не хватало опыта рабочего движения капиталистической эпохи — вот где была ахиллесова пята¹⁰ Михаила Бакунина, вот почему он не сумел вырваться из цепких лап мелкобуржуазного прошлого. А этот опыт капиталистической эпохи был краеугольным камнем в марксизме. Совершенно очевидно, что, имея вместо этого опыта долгие года славянской национальной борьбы, Бакунин не мог, не умел, хотя и хотел, правильно понять потребности рабочего движения той эпохи. И вся деятельность его, преданного идее социальной революции, отдавшего ей всю свою жизнь, вся деятельность его шла по пути, который отвергался, не принимался историей. Во всех организационных предприятиях Бакунина чувствуется тяжелый хвост прошлого, который мешал ему идти вперед. Все его проекты, все организационные замыслы имели свои корни в тайных обществах первой половины XIX века, в уставах масонских лож, в уставах итальянских угольщиков и даже в ордене иезуитов. Бакунин в европейское рабочее движение пытался перенести последнее слово *мелкобуржуазной* революционности *докапиталистической эпохи*. В эпоху развития капитализма, в эпоху, когда выступил на сцену индустриальный пролетариат, как организованный класс, как определенный угнетенный слой общества, организующий себя для борьбы за свои классовые интересы, Бакунин пытался этому рабочему классу навязать методы, организационные приемы и навыки старой эпохи, эпохи, когда рабочего класса в организованном виде не было и революционная интеллигенция искала средств для борьбы в индивидуализированных, оторванных от масс,

верхушечных, заговорщических организациях. Ведь Бакунин потому-то и создавал свой верхушечный, оторванный от масс, тайный заговор, что не верил в силу класса, не видел класса как организованного целого, как мощного деятеля социальной революции. Тов. Стеклов цитировал соответственное место из итальянской рукописи, в которой Бакунин открыто говорил, что не верит в рабочий класс, не верит в его способность к организации для революционной борьбы и видит спасительную силу лишь в тайной революционной организации. В этом и сказывалось его мелкобуржуазное наследство, тот хвост прошлого, о котором я говорил. В 1864 году, когда Бакунин впервые закладывал основы своего анархического мировоззрения, в 1864 году Бакунину шел шестой десяток, это был старый уже человек, и только под 50 лет с трудом ему удалось преодолеть наследство, которое вынес он из своей отсталой страны. Этот человек, в котором сила революционного напряжения была огромна, который нес в себе гениальные возможности, этот человек своим примером показывает, что и на такие исключительные фигуры, как Бакунин, условия времени и места оказывают огромное влияние. Столкнувшись с Марксом, он был обречен на поражение, ибо не верил в силы рабочего класса. В этом была трагедия Бакунина. В письмах к Марксу он неоднократно высказывал почтение перед Марксом, признавая правильность его экономического учения. Но Бакунин не мог понять того, что в основе марксистского учения лежала железная закономерность исторического развития, неизбежность падения буржуазии как класса, неизбежность роста мощи рабочего класса. Этого понимания не было в учении Бакунина и не могло быть, потому что Бакунин был величайшим представителем мелкобуржуазной революционности докапиталистической эпохи, и механизм развития капиталистической эпохи, ее движущие силы, ее внутренние пружины, закономерности ее развития оставались для него нераскрытыми до конца. Оценивая деятельность Бакунина, мы должны признать, что он в русской истории прошлого века является самой крупной революционной фигурой, оставившей яркий след не только в истории русской, но международной. Он делал великие ошибки, и крупны были его заблуждения, но его выручала замечательная революционная интуиция, особенно ярко сказавшаяся в том, что, будучи основоположником анархизма, отрицая на словах и власть, и дисциплину, и диктатуру, Бакунин на деле фактически, в настоящей, в практической революционной борьбе вводил в свою организационную работу все те основные положения, которые вошли в железный инвентарь революционной борьбы всякой подлинно революционной партии, в том числе и партии коммунистической.

В этом смысле Бакунин представляет собой одного из величайших революционеров прошлого, и мы, коммунисты, другими путями и другими средствами осуществляем неосуществившиеся мечты Бакунина. Бакунин мечтал, что будет время, когда над Зимним дворцом и Петропавловской крепостью будет развеваться красное знамя, и это знамя водрузили именно коммунисты и никто другой. Бакунин стремился к разрушению царской империи, и эта царская империя была разрушена нами, и никем другим. Мы чтим в Бакунине своего предтечу, своего предшественника, и та борьба, которая когда-то страстно велась в I Интернационале, для нас является историей, в которой мы пытаемся разобраться хладнокровно. Потому-то, когда мы думаем о Бакунине, нам ясно представляется величие и обаяние этого гиганта революции, этого человека-бури, которого при всех чертах, разъединивших его с Марксом, роднила с Марксом одна большая страсть — ненависть к поганому капиталистическому строю, мечта об его уничтожении, революционная страсть, сжигающая все его существо. Эта революционная страсть, горевшая в Бакунине, сближает его с Марксом и с нашей эпохой. Оттого-то, несмотря на все наши разногласия с нынешними бакунистами, мы чтим в Бакунине величайшего предтечу Октябрьской революции.

